

Данзас Ю. Н.

КРАСНАЯ КАТОРГА

Я провела более восьми лет в советских тюрьмах как политическая заключенная, поэтому могу со знанием дела говорить об этих тюрьмах и о режиме, подвергшем наказанию сотни тысяч людей, вину которых не смог бы доказать даже революционный трибунал.

Я была арестована 14 ноября 1923 года, у себя дома, после длительного, тщательного, но, как и следовало ожидать, безрезультатного обыска... Мне позволили взять с собой только самое необходимое: смену белья, мыло, расческу и т.д. и под солидным конвоем я покинула свое убогое жилище, которое больше так никогда и не увидела, также, как и все вещи, мебель, библиотеку — все это навсегда исчезло, и отныне моим девизом стало — *omnia mea mecum porto*¹.

В ту же ночь был проведен массовый арест католиков как в Москве, так и в Петербурге. Намного позже мне сказали, что эти аресты были ответом советского правительства на энциклику Святого Отца и угрожающую ноту лорда Керзона. Но тогда мне ничего не сказали. Когда по прошествии нескольких дней меня стали допрашивать, то задавали лишь один вопрос: куда я спрятала письма, которые были адресованы мне Папой?.. Так как было хорошо известно, как мне заявили, что я была эмиссаром Рима и вела частную переписку со Святым Отцом...

В результате ко всем католикам была применена статья 61 советского Уголовного кодекса, гласящая: «Активное участие в организации, имеющей целью помощь международной буржуазии в борьбе против власти Советов»². Тем обвиняемым католикам, которые интересовались, к какой же преступной организации их причисляют, им отвечали, что самого факта признания Папы главой Церкви достаточно, чтобы доказать соучастие с "иностранной буржуазией"...

МОСКОВСКИЕ ТЮРЬМЫ

*Из Петрограда в Москву. — Женская тюрьма. —
От Лубянки до Бутырки*

Меня содержали сначала в камере "предварительной" тюрьмы в Санкт-Петербурге, потом через месяц меня отправили в Москву "на суд", который так никогда и не состоялся. Я ехала вместе с шестью другими католиками, среди которых было два униатских священника и три женщины. Женщины (я — четвертая) были отделены от мужчин и помещены в отдельное купе с одиннадцатью другими женщинами, которые все были уличными, собранными не знаю уж в каких притонах при милицейских облавах. В этом купе, где мы все теснились, между женщинами и конвоирами сразу же начались такие сцены, которые просто невозможно описать; начальник конвоя, который не мог этому помешать, в конце концов сжалился над нами и перевел нас всех четверых в мужское купе, где находились трое наших товарищей по "преступлению". Вместе с ними в невероятной тесноте мы провели все время поездки в Москву, которая длилась три дня вместо нескольких

¹ Все мое ношу с собой (лат).

² После изменения в 1927 году Уголовного кодекса эта статья стала параграфом 4 статьи 58, в которую входят все «политические преступления» — Прим. авт.

часов, так как вагоны с заключенными прицеплялись к очень медленным товарным поездам.

* * *

В Москве нас окончательно отделили от мужчин и вместе с одиннадцатью несчастными созданиями направили в женскую Новинскую тюрьму, расположенную на другом конце города. Я подошла к начальнику конвоя и попросила его позволить одной из наших женщин, польской монахине, не идти так далеко пешком, так как она только что перенесла тяжелую внутрисполостную операцию, от которой еще не оправилась. Но начальник резко ответил мне: «Сумели совершить преступление, умеете идти пешком!» И нас четверых заставили идти пешком вместе с теми одиннадцатью несчастными, которые выкрикивали гнусности и задевали прохожих; нас сопровождала группа хулиганов, их дружков, бросавших в наш адрес оскорбления и пошлости.

В женской тюрьме в этот день был какой-то праздник, и заключенные развлекались. В большом коридоре они организовали нечто вроде соревнования по бегу: около семидесяти или восьмидесяти женщин бегали взапуски, с растрепавшимися волосами, совершенно обнаженные, татуированные с ног до головы. Этот шабаш ведьм происходил перед комнатой, называемой "политической", в которой мы обнаружили пожилую монахиню (настоятельницу одного из московских монастырей) и молодую девушку из хорошей семьи лет шестнадцати-семнадцати; бедная девушка прижалась к старой настоятельнице, а та укрыла её своей шалью, прилагая все усилия к тому, чтобы она ничего не видела и не слышала...

Пребывание в этой тюрьме, самой отвратительной из всех ужасных мест, которые мне приходилось видеть, продолжалось для меня всего два или три дня. Потом мне пришлось совершить еще один пеший переход через весь город в сопровождении двух вооруженных до зубов солдат, которые препроводили меня в тюрьму, называемую "внутренней" тюрьмой ГПУ. Это была знаменитая Лубянка, № 2. Там меня поместили в камеру на третьем этаже.

* * *

Примерно через пятнадцать дней я предстала перед следователем ГПУ, который должен был допрашивать меня. Он задал всего несколько вопросов о моем прошлом, моих родителях и т<ак> д<алее>, затем он заявил мне, что я слишком образованный человек, чтобы верить в Бога, и, значит, моя приверженность Церкви может основываться только на политических причинах. Я ответила, что в Бога верили и верят люди, гораздо более образованные, чем я. Он поинтересовался, как я могу совмещать религию с наукой, и пустился в длительную дискуссию со мной о доказательствах существования Бога; это продолжалось более часа: напоследок он сказал, что я очень сильный полемист, и что он хотел бы продолжить эту дискуссию в следующий раз. Тогда я спросила его, в каком преступлении меня обвиняют, ведь ни один советский закон не запрещает верить в Бога и быть приверженцем Католической Церкви. Он ответил мне: «Мы поговорим об этом в следующий раз», — и велел отвести меня в камеру. Это было единственное подобие допроса, которому меня подвергли; больше меня ни о чем не спрашивали и даже не посчитали необходимым как-либо уточнить обвинение. И, кроме этой встречи, ничто больше не нарушало однообразия моего существования в камере "внутренней" тюрьмы.

Все камеры этой тюрьмы имели окна, выходящие во внутренний двор, но эти зарешеченные окна были к тому же наполовину закрыты

своего рода ставнями, которые позволяли видеть только маленький кусочек неба. Никакой шум извне не нарушал глубокой тишины. Пол коридора, идущего вдоль камер, был покрыт толстой войлочной дорожкой; охранники были обуты в валенки (войлочные сапоги, в которых в России ходят по снегу), для того, чтобы не слышно было шума шагов. Было строго запрещено говорить громко: если требовалось обратиться к охраннику, надо было очень тихо шептать в маленькое отверстие на двери; через этот глазок охранники могли следить за каждым движением заключенных.

В определенное время охранники открывали маленькое окошко над дверным глазком и молча передавая заключенным дневной рацион. В мое время режим был таким: утром — двести граммов черного хлеба и кружка кипятка, подцвеченного чаем, кроме того, два куска сахара и пятнадцать сигарет (вместо успокоительного); в полдень — миска супа и миска каши; вечером — миска каши и чай без сахара. Мне говорили, что в дальнейшем питание стало еще хуже, но в мое время оно было несравненно лучше, чем в других советских тюрьмах.

В шесть часов утра и в шесть вечера нас водили на пять минут умываться; охранник открывал дверь только в присутствии двух солдат, один из которых сопровождал до умывальной комнаты и сторожил у двери, наблюдая за всеми действиями заключенного. Один раз в месяц водили в баню, в подвальное помещение, но я отказывалась ходить туда, так как за моющимися всегда наблюдал часовой.

Для многих заключенных эта мертвая тишина оказывалась невыносимой. Иногда были слышны истерические крики, тотчас же подавляемые, не знаю, каким способом. Для меня же эта тишина и одиночество были предпочтительнее ужасной скученности в женской тюрьме. Самым отвратительным были обыски каждые пятнадцать дней, проводившиеся для того, чтобы убедиться, что у заключенного нет никакого "оружия", а скорее — нет ли у кого-нибудь огрызка карандаша и клочка бумаги, а также иголки, денег или предметов религиозного культа: креста, иконы, четок и т<ак> д<алее>. Они переворачивали все вверх дном, несмотря на явную очевидность того, что заключенный не сможет раздобыть чего бы то ни было в столь хорошо замурованной могиле, не имея даже малейшей возможности увидеть человеческое лицо. У меня отобрали четки, я сделала другие из мотка бечевки; их также отобрали, я сделала еще одни, потом третьи, четвертые, которые постигла та же участь. Наконец, мне удалось сохранить от обыска пятые: пока меня обшаривали, я держала их во рту... Я до сих пор храню их, как самую дорогую реликвию. Впрочем, у меня не было других занятий, кроме тайного изготовления этих четок, — я могла только ходить вдоль и поперек по камере от стене к стене, а потом ложиться. Ни книг, ни бумаги. Чтобы не потерять ощущения времени, каждый наступивший день я отмечала черточкой, выцарапывая ее расческой в темном углу стены. Считая дни, я вычисляла даты.

* * *

Это продолжалось около шести месяцев (зима 1923-1924). Однажды, в начале мая, за мной пришли, чтобы перевести в другую тюрьму, — Бутырскую, где я оказалась в компании пятнадцати женщин, готовившихся к отправке в ссылку. Одна из них обвинялась в нелегальной торговле: она продала платье, чтобы купить хлеб. Другая пыталась заработать на жизнь себе и дочери продажей пирожков на улице — еще одно преступление — спекуляция. Две юные девушки обвинялись в "шпионаже", так как они танцевали на вечере, организованном английским консулом. Другим в вину вменялась "связь с иностранцем",

потому что они получали письма от своих эмигрировавших родителей. Все эти "преступницы" ждали своей участи вместе с полудюжиной воровок и уличных девиц. Что касается меня, то на следующий день мне дали прочитать мой приговор: в трех строчках — выписке из "Протокола ГПУ" — я признавалась виновной «в активном участии в контрреволюционной организации», и в соответствии со статьей 61 Уголовного кодекса приговаривалась к десяти годам тюрьмы... Через два дня меня отправили вместе с другими заключенными в Сибирь.

* * *

<...> Весной я узнала, что меня собираются переводить на Соловецкие острова. Правительство решило сконцентрировать всех "политических" в специальных лагерях, чтобы освободить тюрьмы, которых больше уже не хватало. В тюрьмах оставались только менее значительные "политические", срок заключения которых уже подходил к концу; другие были направлены в различные концлагеря, разбросанные по всей России; я же должна была отправиться на Соловки в начале мая 1928 года.

* * *

Я вновь совершила тягостное путешествие "по этапу", описанное выше; с той лишь разницей, что тот начальник иркутского ГПУ вновь проявил ко мне доброту и отдал приказ везти меня с колонной мужчин, без других женщин: это не только избавило меня от ужасной скученности, но позволило занять отдельную "клетку" в вагоне и иметь возможность дышать менее спертым воздухом, по крайней мере, на первых "этапах"; при дальнейшем продвижении вагон опять оказался забитым, как обычно. Поездка была более продолжительной, чем предыдущая, потому что, начиная от Екатеринбурга, поезд пошел в объезд Казани, Москвы и Ленинграда; причина состояла в том, что тюрьмы по дороге на Север, в особенности, Пермская тюрьма, были настолько переполнены, что для нас не нашлось ни одного сарая, ни одного подвала... Я опять прошла через Бутырскую тюрьму, потом через тюрьму Санкт-Петербурга (на Выборгской стороне), в которой прежде я так часто бывала, будучи членом "Женского благотворительного комитета мест заключения"... Я испытывала довольно странное чувство, находясь здесь в качестве заключенной, да еще в таких условиях! Я представила ужас моих бывших коллег по Женскому Комитету, если бы они увидели теперешнее состояние тюрьмы, о которой мы так заботились прежде, и особенно, невероятную жестокость, пришедшей на смену прилагаемых нами в прошлом усилий по смягчению нравов, которая царила здесь теперь... В общем, выехав из Иркутска в начале мая, я прибыла в Кемь (порт на Белом море) в начале сентября. В Кеми я провела два или три дня в ужасном бараке, где были двухэтажные нары, и который был набит битком, как вагоны. Затем с большой партией заключенных меня погрузили на корабль, который должен был доставить нас на Соловки. Этот путь в хорошую погоду обычно преодолевается за четыре-пять часов, но даже в хорошую погоду бывает сильная бортовая качка, довольно мучительная для заключенных, теснившихся в глубине трюма.

СОЛОВКИ

*Организация и режим в лагере. — Филиал ада. —
"Секурка". — Продажа заключенных. — О духовенстве*

Соловки — это большой остров (примерно шестьдесят километров в длину и сорок в ширину); вокруг расположен архипелаг островков, на которых расположены маленькие "лагеря", населенные несколькими сотнями заключенных; на самом большом из них, острове Анзер находится две-три тысячи, но основная масса заключенных сосредоточена на главном острове, "Большом острове Соловки", где лагерь занимает помещение старинного монастыря, прежде очень известного в России (он построен в XV веке). Во времена своего процветания монастырь насчитывал примерно тысячу монахов и добровольных служителей — трудников (паломники, некоторое время безвозмездно работавшие в монастыре). Теперь же здесь было в среднем пятнадцать тысяч и больше заключенных (иногда до двадцати тысяч). Это хорошо свидетельствует о тесноте, в которой они находились.

Главные постройки старинного монастыря были окружены огромной каменной стеной; некогда эта крепость защищала две знаменитые обители в истории России. Эта крепость, "Кремль", составляла главную часть лагеря заключенных; все строения старинного монастыря и многочисленные церкви и часовни были превращены в казармы с нарами в два и три этажа. С внешней стороны Кремля, вокруг небольшой пристани были расположены гостиницы для паломников, большая часть которых служит теперь административными помещениями, остальные занимают заключенные. Кроме этого маленького перенаселенного центра, остальная часть острова безлюдна и покрыта лесами, в которых в прежние времена стояли скиты отшельников; по берегам было множество рыбокоптилен. Все это входило в территорию лагеря с несколькими сотнями заключенных, используемых на различных работах. Некогда монахи проложили прекрасные дороги через леса, соединив ими различные части Кремля; уход за этими дорогами лежал теперь на заключенных, но основной их работой была лесоразработка.

Что касается рыбной ловли, она была одним из источников дохода на острове, однако на ней не использовали "политических" из-за боязни побегов, так как единственной возможностью бегства было море, если бы удалось раздобыть лодку; однако все лодки были объектами специального наблюдения, а рыбаков набирали из уголовных преступников, заслуживших доверие ГПУ.

Уголовников также использовали в качестве тюремщиков и на караульной службе острова. Была там и рота солдат ГПУ, занимавших наиболее важные должности; остальным, часто бывшим убийцам, отдавались общие воинские команды, их учили надзирать за другими заключенными, особенно за политическими. Они были вооружены и носили форму, похожую на красноармейскую. Стоит ли говорить, что они старались превзойти друг друга в жестокости по отношению к другим заключенным, чтобы доказать свое рвение и добиться обещанного вознаграждения, в основном, сокращения срока заключения.

Чтобы устранить любую попытку подкупа караула и сделать невозможным всякое общение с внешним миром, заключенным не позволяли иметь ни денег, ни каких-либо других предметов, ничего, кроме одежды. Единственной денежной единицей, имевшей хождение в лагерях, были специальные ассигнации ГПУ того же достоинства, что и российские деньги, но действительные только в магазине на территории лагеря. Вряд ли надо добавлять, что выбор товаров в этом магазине для заключенных был сильно ограничен: иногда там бывало что-то вкусное из съестного, какие-то ткани и т<ак> д<алее>, но все это предназначалось для "начальства", а не для узников. Когда я прибыла на Соловки в 1928 году, заключенным выдавали несколько рублей в месяц (в зависимости от

"категории труда") на питание, которым начальство тогда не занималось. Но со следующего года это денежное вознаграждение было отменено, и все заключенные отныне стали получать свой обязательный рацион в столовой. Для огромного большинства заключенных, которые, как и я, не получали ниоткуда денежное вспомоществование, это означало фактический голод. Меню лагерной столовой было похоже на тюремное: просяная каша, квашеная капуста на воде, немного соленой рыбы или засоленная конина.

* * *

Исправительный режим был строго военизирован. Заключенные строились в колонну ротой, возглавляемой командиром, который тоже был заключенным, заслужившим особое доверие. В основном это были бывшие агенты ГПУ или, по крайней мере, коммунисты, направленные сюда за какую-нибудь провинность, достаточно серьезную, чтобы им позволили остаться безнаказанными. Ставя их на доверенные должности, им давали возможность реабилитироваться. Таким образом, они проявляли огромное усердие при исполнении своих обязанностей, проявляя изобретательность в терроризировании и особо грубом обращении с заключенными, и, особенно, в отлаживании системы тайной слежки и доносов, которая позволяет надзирать за каждым шагом заключенных.

Два раза в день проводилась переключка заключенных каждой роты, сразу же после утренней переключки составлялись бригады для работы на день. Мужчины большей частью работали в лесу. Эти работы были самыми тяжелыми, случалось много жертв. Установленные нормы требовали крайнего перенапряжения человеческих сил, ведь людям, которые никогда не были лесорубами, необходимо было полностью выполнить норму, и им часто приходилось работать всю ночь. Старики и больные упрашивали, чтобы их избавили от таких работ, но несчастных заставляли идти под ударами прикладов, и вечером приносили их трупы. Ужас от этих работ увеличивался в связи с отсутствием теплой одежды; до 1931 года заключенным не выдавали никакой одежды в замену своей, которая уже превратилась в лохмотья. Те несчастные, которых арестовали летом, добирались до Соловков в разгар зимы, и их в легкой одежде посылали работать в снегу по колено. Очень часто для того, чтобы отказаться от работы в лесу, заключенные калечили себя, отрезали пальцы. Потом за это стали строго наказывать, но, когда случаи членовредительства участились, было объявлено, что впредь такие поступки будут рассматриваться как "отказ от повиновения" и, следовательно, наказываться смертью; несколько несчастных было расстреляно. Применялись более утонченные наказания: так, мне вспоминается один случай, когда мужчину, отрезавшего себе утром пальцы, привязали толстой веревкой к поваленному дереву и оставили на дороге, в пятнадцати километрах от лагеря, приказав ему добираться до лагеря, таща это дерево за собой. Несчастному удалось протащить несколько километров, но на полдороге он умер. Я помню также молодого поэта, отправленного на Соловки, чтобы искупить вину за непочтительное стихотворение. Его туфли полностью развалились, он умолял, чтобы ему выдали какую-нибудь обувь для работы в лесу; и так как он не добился ответа, ударом топора он отрубил себе мизинец и указательный палец левой руки, а затем положил их в конверт с адресом ГПУ, сопроводив это послание двустушием: «Вам, кровавым людоедам, шлю свежатинку к обеду»³...

³ Во французском варианте дословно: «Вам, адски любящим человеческое мясо, посылаю кусочки высшего качества».

Все это происходило в то самое время, когда советское правительство в ответ на действие американского правительства, отказавшегося от импорта русской древесины, как продукции принудительного труда, во всеуслышание заявило, что на лесоразработках никогда не применяется принудительный труд! Мы все давно привыкли к постоянной лжи, которая является основой советского режима, но это заявление повергло в оцепенение всех как на Соловках, так и в других лагерях Севера, когда мы прочитали в газете это бесстыдное заявление министра Молотова, который осмелился отрицать использование каторжного труда на лесоразработках, тогда как от Белого моря до Урала *сотни тысяч в это время теряли свое здоровье и жизнь на этих жестоких работах.*

Я уже говорила, что отказ от повиновения наказывался смертью. За другие проступки наказания были различными. Первое — это карцер, холодная камера; находящихся в карцере полагаются кормить один раз в два дня только миской супа, здесь запрещено надевать пальто или укрываться одеялом. Но палачи поступали еще более изощренно. Летом, когда в лесах тучи комаров, провинившегося раздевают и на несколько часов привязывают к дереву на радость комарам. Осенью, например, когда температура морской воды близка к нулю, человека заставляют заходить в воду по шею и стоять так по четверть часа или больше... Главные начальники лагеря в качестве наказания использовали также двух- или трехнедельное пребывание в специальном карцере, называемом "Секирка". Это была пытка неподвижностью: заключенные сидели на скамейках, руки на коленях, двигаться было запрещено. Через каждые два-три часа их поднимали и заставляли ходить по кругу, затем они снова садились; ночью люди также сидели, каждые два часа получая приказ встать, повернуться кругом, потом в другую сторону... Несчастливыми овладевал приступ безумия: в отчаянии они бросались на охранников, и тогда их расстреливали.

Все это может показаться неправдоподобным, но тем не менее это может быть подтверждено теми, кто в это время находился на "острове мучений", как теперь называли Соловки.

* * *

Однако из пятнадцати тысяч заключенных несколько сот находились в более привилегированном положении. Сначала это были все старые коммунисты, они выполняли особые функции, основанные на доверии, часто они работали по специальности — врачами, инженерами, электриками и т<ак> д<алее> — они также занимались учетной работой в конторе. Они могли более свободно перемещаться по лагерю и, так как они были нужны, им предоставили некоторые привилегии. Но несмотря на это, они оставались рабами, как и другие заключенные, и при необходимости их продавали. Я совсем не преувеличиваю. Специалистов нередко продавали администрации тюрьмы для каких-нибудь нужд лагеря; условия продажи оговаривались в специальном контракте, в котором указывалось, где предполагается использовать специалиста, какова стоимость его питания, содержания и т<ак> д<алее>.

Что касается зарплаты специалиста, предусмотренной региональным тарифом, она переводилась в кассу ГПУ... Покупатель говорил купленному специалисту не столько затем, чтобы предотвратить его побег, сколько для того, чтобы заставить его работать: "Если ты будешь плохо работать, мы тебя опять отправим на Соловки". Все это тоже оговаривалось по всей форме в контракте, почти так же, как в договоре о продаже скота. Впрочем, эта продажа была возможностью покинуть "проклятый остров", поэтому *проданные* с радостью

подчинялись. Мы часто слышали, как инженер или химик радостно говорил: "Я скоро уезжаю, меня продали в Архангельск (или в другое место), какое счастье!"

Но кроме специалистов, которых использовали и продавали, были привилегированные другого рода, менее достойные симпатии: это были, как я уже говорила, бывшие коммунисты, жалкие люди, изо всех сил пытавшиеся завоевать расположение начальства и шпионившие за своими товарищами по несчастью. Система доноса была превосходно организована (как и повсюду в России); в каждом бараке был по меньшей мере один доносчик, были они и во всех службах. Как ни старался "секретный агент" скрыть свою деятельность, его все равно обнаруживали вследствие милостей, которые предоставлялись ему, но с ними ничего не могли сделать из-за боязни ужасных репрессий, так как доносчики находились под защитой. Система доносов процветала и отравляла и без того тягостную атмосферу "проклятого острова". Ее использовали для того, чтобы устранить "дурное" (с точки зрения начальников) влияние, которое какой-нибудь заключенный мог оказывать на своих товарищей по несчастью, особенно, если это было религиозное влияние, опасное для всех. Иногда мы узнавали, что такой "нежелательный" заключенный на самом деле оказывался "секретным агентом" или провокатором. Простые люди иногда попадались на их удочку.

* * *

В этом мире страданий и лжи мужчины-заключенные имели большее преимущество перед женщинами: они были разделены на группы достаточно определено. Специалисты, служащие различных контор — они размещались отдельно, их режим видоизменялся. А вот священники были отделены ото всех: начиная с 1928 года для них выделили специальную колонию на острове Анзер, в стороне от других лагерей, и на территории этого маленького отдельного лагеря они пользовались относительной свободой. Такой режим был введен скорее для того, чтобы устранить всякую возможность их влияния на других заключенных, чем для того, чтобы держать священников в неведении относительно того, что происходит на острове: было известно, что в Европе интересуются их судьбой, что рано или поздно их придется освободить, выпустить их за границу, — не для того ли их отделили от других заключенных и устранили от основной жизни на острове. Общаться с ними можно было, только придумав какую-нибудь уловку и очень редко. Несколько православных священнослужителей не были удалены с другими на остров Анзер, они содержались на общем лагерном режиме, как например отец Жижиленко⁴, архиепископ Воронежский⁵, бывший врач, он

⁴ **Жижиленко** Михаил (Максим) Александрович, родился в 1886 в Калише Камышинской губ. Окончил гимназию, в 1911 — медицинский факультет Московского университета. Работал врачом-психиатром в Сокольниках, с 1912 — врачом Министерства путей сообщения в Благовещенске, с 1914 — военным врачом в Кубанском пластунском батальоне на Юго-Западном фронте в Галиции. С января 1918 — профессор психиатрии провинциального университета, затем помощник главного врача в Батруйском госпитале Москвы, в мае 1919 — мобилизован в Красную армию, работал главным врачом полевого госпиталя в Козлове Тамбовской губ. В 1920 — главный врач Нижегородского военного лазарета, в 1921 — после демобилизации врач в Наркомате путей сообщения, с 1 января 1922 — главный врач Таганской тюремной больницы, для заключенных стал "ангелом-хранителем" (спал на голых досках, питался тюремной пищей и все жалование раздавал заключенным). Стал близким другом патриарха Тихона, благословившем его на катакомбное служение. 19 мая 1928 — тайно рукоположен во диакона, 21 мая — во иерея; работал врачом в Таганской тюрьме. В сентябре 1928 — пострижен в мантию с именем Максим; 12 октября тайно хиротонисан во епископа Серпуховского. С февраля 1929 — приступил к обязанностям епископа в Серпухове, временно окормлял паству в

работал в больнице и был расстрелян в 1930 году, так как совершил последнее причастие над умирающим — вещь абсолютно запрещенную⁶.

II

Женская каторга. — Теснота и распутство. — Переключка. — Массовая расправа. — Распределение на работы

Для женщин не предусматривалось деления на бригады специалистов, и поэтому перенаселенность представляла там во всем своем ужасе. Она усугублялась еще относительной свободой перемещения по всей территории лагеря, тем, что на пятнадцать тысяч мужчин приходилась всего тысяча женщин, и эти мужчины кружили вокруг женщин, как волки... Начальники лагеря подавали пример, присваивая себе права феодальных сеньоров на своих подданных... Вы можете себе представить положение молодых девушек, верующих женщин; на память невольно приходили времена гонения на христиан в эпоху языческих императоров, когда христианские девственницы мученицами заключались в дома терпимости...

Батальон женщин (они тоже подчинялись военному режиму и формировали батальон) размещался в бывшей гостинице монастыря за стенами Кремля. Дом был деревянный, старый и прогнивший, там нельзя было строить нары, так как дом мог в любой момент рухнуть; считалось, что каждой женщине положена отдельная кровать из трех досок, положенных на козлы. Однако таких доморощенных кушеток не хватало, к тому же не было места, чтобы поставить кровати для всех; многие заключенные спали прямо на земле, особенно весной и осенью, когда прибывал новый поток заключенных. Два длинных коридора, идущие вдоль всего здания, в это время были покрыты настоящим ковром из женских тел, плотно прижатых друг к другу. Как всегда, вновь прибывшие должны были ждать своей очереди, чтобы получить право на кровать. На нижнем этаже комнаты были довольно большими, в каждой находилось пятьдесят кроватей; стоит ли говорить, что эти комнаты набивались так, что там становилось невозможно дышать. На верхнем этаже были комнаты на 25, 15 и 6 кушеток, тесно было настолько, что едва ли можно было протиснуться между ними.

* * *

В шесть часов утра начиналась первая переключка для узниц, посылаемых на "физические" работы, а в восемь часов — для женщин, работающих на "канцелярских" работах. Заключенные выстраивались в коридоре по четверо в ряд, "комендантша" выравнивала строй, затем вызывала одного из офицеров Кремля, который по-военному здоровался с колонной, в ответ необходимо было приветствовать его хором, как солдаты. Часто офицер находил, что выкрик недостаточно громкий и стройный, и заставлял повторять по десять-пятнадцать раз, иногда он заявлял, что батальон наказан и будет стоять по стойке "смирно" полчаса или час.

Ярославской епархии, позднее — и в Воронежской. 24 мая 1929 — арестован в Серпухове, 5 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь, работал заведующим тифозного барака; участвовал в тайных катакомбных богослужениях заключенных-иосифлян.

⁵ Ошибка, не был архиепископом Воронежским.

⁶ В декабре 1930 — Максим (Жижиленко) был арестован в лагере, вывезен в Москву и привлечен к следствию как «руководитель Серпуховского филиала контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 10 июня 1931 — расстрелян.

В другой раз заставляли делать военные упражнения: маршировать строевым шагом, делать повороты кругом и т<ак> д<алее>. Трудно представить себе что-либо более смехотворное, чем напыщенный вид этого бесстрастного офицера, затянутого в мундир, со всей серьезностью играющего в солдаты с группой испуганных женщин, среди которых изможденные интеллигентные дамы маршировали рядом с грузными растерявшимися крестьянками, а респектабельные пожилые монахини равняли шаг вместе с уличными девчонками в коротких юбках. Весь этот женский батальон должен был постоянно равняться, кричать хором, двигаться вперед, подчиняться грубым приказам мальчишки, опьяненного своей властью (а нередко и алкоголем).

* * *

Кроме таких ежедневных смотров женского батальона, иногда происходило нечто более зловещее: один или два раза в месяц весь батальон без исключения, даже больных, заставляли выстроиться в шесть часов утра; затем приходил старший офицер и зачитывал длинный список заключенных, которые приговорены к смерти за "отказ к повиновению" и другие правонарушения. Слушали в полной тишине, иногда раздавался крик, извещавший, что кто-то из узников услышал дорогое ему имя, После этого офицер заявлял, что эти приговоры должны послужить примером для остальных заключенных, и наконец, приказывал разойтись... Хочу добавить, что иногда подобные "примеры" приводились для того, чтобы сильнее поразить воображение: так, в октябре 1929 года начальники организовали массовое убийство узников, бывших офицеров, под предлогом раскрытия тайного заговора, казнь производилась перед женским отделением; в пятидесяти шагах перед нашим баракком был вырыт глубокий ров, и вечером при свете фонарей и факелов, освещавшим красным светом эту ужасную сцену, вывели пятьдесят трех мужчин со связанными на спине руками, группами по пять человек их расставили на краю ямы и перестреляли из револьвера; когда они все попадали в яму, еще несколько раз выстрелили вниз, вероятно, чтобы добить раненых, после этого группа заключенных быстро закопала ров. Пока продолжалась эта экзекуция, в женском бараке раздавались крики и истерические рыдания, так как некоторые узницы видели, как на их глазах расстреливают их брата, мужа или возлюбленного...

Что касается списков, которые нам зачитывали на утренних переключках, их длина варьировалась от пятидесяти до ста фамилий приговоренных; в среднем в месяц было около сотни приговоренных к смерти, среди которых часто бывали женщины.

Один из самых ужасных случаев, сохранившихся в моей памяти, был расстрел женщины, попытавшейся организовать побег своего мужа. Она не была заключенной: оставшись дома после ареста мужа, она, беспомощная калека, потерявшая обе ноги в результате какого-то несчастного случая, добилась разрешения навестить своего мужа в Соловках, и, воспользовавшись случаем, передала ему план побега. Ее арестовали и расстреляли вместе с мужем, а наши часовые рассказывали смеясь, «как это было смешно», когда перед расстрелом ей сняли протезы, заменявшие ноги...

Вернемся в женскую казарму. Когда заканчивалась гнусная комедия военной переключки, офицер отдавал приказ "вольно", и начиналось формирование бригад на работу. Женщины не работали в лесу, за исключением довольно редких случаев, когда необходимо было срочно отправить партию леса на экспорт: тогда посылали несколько женских бригад на обрубку веток, удаление коры и т<ак> д<алее>. Наиболее тяжелой физической работой для женщин был труд на торфоразработках,

где они должны были делать "кирпичи" из торфа, переносить их в указанное место и складывать в пирамиду для просушки. Эта работа в болоте, в жидкой грязи, без специальной одежды и обуви была мучением, которое не могло не сказаться на здоровье женщин; начальство не знало, что делать со всеми больными, оно отказывалось посылать на торфоразработки всех женщин без исключения, как предписывал приказ. В мое время туда посылали только после медицинского осмотра, который подразделял женщин на четыре категории. К четвертой категории относились женщины, годные для работ в торфяниках, в лесу и т<ак> д<алее>. В третью категорию входили женщины, годные для менее тяжелых физических работ, как то: стирка, мытье полов во всех казармах, работа у начальства в качестве домработниц и т<ак> д<алее>. Относящихся ко второй категории избавляли от физических работ; их посылали в швейные и другие мастерские, более образованным людям предоставлялась работа в конторе, машинописная работа, делопроизводство, учет, статистика, медицинская служба. И, наконец, первая категория, самая малочисленная. включала в себя полных инвалидов, от которых избавлялись каждую осень, отсылая их куда-то, чтобы в лагере не было лишних ртов. Когда я появилась на Соловках, меня определили во вторую категорию, так как цинга привела меня в жалкое состояние, я почти не ходила, и это избавило меня от тяжелых физических работ. Каждые шесть месяцев производилось медицинское переосвидетельствование с тем, чтобы как можно больше женщин отправить на физические работы, но к счастью для меня, состояние моих ног и сердца позволили мне всегда оставаться во второй категории.

III

Лагерный лазарет. — "Молодежная колония". —
"Политические". — Как всегда ужасная теснота

Меня назначили заниматься статистическими расчетами и канцелярскими делами; сначала я была бухгалтером и библиотекарем "музея", затем меня обвинили в "саботаже", дескать, я попыталась похитить "экспонаты музея" для осквернения, и отказывалась давать антирелигиозные объяснения группам заключенных, которых привели в музей. Меня сослали на остров Анзер, в специальный лагерь для "неисправимых"; условия жизни там были особенно тяжелыми; я была серьезно больна, и меня вернули обратно на Соловки, благодаря заступничеству нескольких влиятельных заключенных, которые добились моего перевода в больницу на большой остров. Когда меня поместили в больницу, я была без сознания, меня уже считали умирающей и оставили в покое; это было единственным лечением, предоставленным мне, так как в больничной аптеке не было никаких лекарств. Кормили меня два раза в день супом, кроме того наиболее слабым больным давали раз в два дня 200 граммов молока.

В комнате, предназначенной для двоих, помещалось двадцать больных; больные лежали вповалку в соседней комнате и в коридоре, они лежали на полу, и чтобы пройти в обе комнаты, через них приходилось перешагивать; третья комната предназначалась для инфекционных больных; впрочем, эта третья комната тоже была переполнена больными, которые еле передвигались по коридору. В комнате, где я находилась, были всякие больные, даже родившие женщины с грудными детьми... Стоит ли говорить, что смертность была очень высокой. По утрам приходили забирать умерших, их полностью раздевали, заглядывали в рот, нет ли золотых зубов (если они были, их обязательно выламывали),

затем несчастное голое тело волокли в сарай, расположенный под окнами комнаты, где я находилась; потом приезжала телега или сани, на которые бросали, как тюки, дюжину трупов и везли к общему рву (в очень редких случаях начальство давало разрешение друзьям или родителям усопшего увезти труп и похоронить его в другом месте). Кошмар этой больницы длился для меня около двух месяцев. Затем, так как мое здоровье окрепло, и я встала на ноги, несмотря на отсутствие какого-бы то ни было ухода, меня опять вернули в женскую казарму, и через несколько дней я приступила к работе. На этот раз работа была связана со статистикой в административной конторе.

* * *

Я уже говорила, что на Соловках было примерно тысяча женщин. Из них три или четыре сотни находились в разных лагерях, разбросанных по большому острову архипелага, остальные помещались в главной казарме. Большинство женщин были осуждены за уголовные преступления; они напоминали тех несчастных созданий, о которых я уже говорила, среди них было много юных девушек — от шестнадцати до восемнадцати лет, уже полностью развращенных, были даже такие, кому меньше шестнадцати! Попытались создать отдельную колонию для них и мальчиков такого же возраста; эта "молодежная колония" вскоре стала местом самого отвратительного разврата, и начальство вынуждено было отказаться от своей идеи, по крайней мере, для девушек; мальчики остались, из них стали формировать "рабочие бригады" для преследования других заключенных, и когда эти молодые бандиты стали вполне справляться со своей ролью полицейских псов, их направили в колонию подмосковного поселка Болшево, где ГПУ организовало школу агентов охраны. Что до бедных девушек, чересчур развращенных для того, чтобы стать "полицейскими ищейками", их отправили в нашу казарму, и они стали нашими соседками по комнате.

* * *

Среди 4000 "политических" было много женщин и девушек, приговоренных в основном за абсурдно неправдоподобное обвинение в шпионаже: некоторые из них получали письма из-за границы, дружили с иностранцами, давали уроки иностранцам и т.д. Были среди них родители или друзья репрессированных, так как в "политических" делах вся семья признавалась ответственной за поведение (или образ мыслей) одного из своих членов; среди "политических" были жены священников, жены профессоров (это было время, когда правительство уничтожало оставшуюся часть интеллигенции преследованием академиков и профессоров). Кроме того, было много крестьянок, жертв начавшейся коллективизации; в основном это были смелые и честные женщины, соседство с которыми смягчало постоянный контакт с проститутками и представителями человеческого "дна". И наконец, было много монахинь. Их привозили сюда иногда целыми монастырями во главе с настоятельницами. Мне вспоминается одна восьмидесятишестилетняя настоятельница, прибывшая с Кавказа, где она прожила в монастыре всю свою жизнь с самой молодости. Дорога "по этапу", в описанных мною условиях, совсем разбила ее, она больше не могла ходить. Ее два года держали в больнице, а затем вместе с другими инвалидами отправили в *Сибирскую ссылку*: я видела, как ее, разбитую параличом, несли на носилках на корабль, обреченную на смерть прежде, чем она сможет добраться до места ссылки, впрочем, такие условия существования с трудом могли перенести и более крепкие люди.

Для всех обитателей "женской казармы" режим был одинаков. Не было никакой возможности избежать ужасной тесноты. Какое-то время одна из начальниц, не такая усердная, как другие, предоставила нам свободу выбора места обитания по нашему усмотрению; мы могли поселиться, исходя из взаимной симпатии, могли выбрать себе кровать вдалеке от какой-нибудь ужасной уголовницы. Но это длилось всего два-три месяца, затем из Москвы с ревизией приехал самый большой начальник, который возмутился, увидев "привилегированные" комнаты, другими словами, чистые. Напрасно комендантша пыталась возражать, говоря, что работники канцелярии возвращаются в казарму в половине двенадцатого ночи, им нужно отдохнуть, а в других комнатах в это время шум, песни, ссоры, драки...

Ничего не помогло. Комендантша была отстранена от работы, а начальник отдал категорический приказ "перемешать" всех женщин и позаботиться, чтобы в каждой комнате было побольше уличных женщин. Все было в точности выполнено.

IV

*Ответственность ГПУ. — Анкетирование
и его результаты. — Эпидемия дизентерии. —
Состояние женщин. — Постоянный разврат*

Я отмечаю этот факт, как доказательство того, что возмутительное обращение с честными женщинами было специально предусмотрено и *категорически предписано*. Московское ГПУ в ответ на жалобы, доходившие иногда до него, укрывалось всегда либо за бесстыдными отрицаниями, либо оправдываясь нерадивостью или чрезмерным рвением низшего персонала. Однако, в случае, который я только что привела, я слышала своими ушами, так же, как и все остальные узницы, приказы, отдаваемые громовым голосом заместителя начальника московского ГПУ, направленного в Соловки специально для того, чтобы проверить состояние лагеря и его заключенных.

Впрочем, манера переваливать вину на подчиненных очень хорошо известна. Когда зверства, совершаемые в лагерях, становятся чрезмерными, когда начинают бояться скандала, который сможет дойти до зарубежной прессы, ГПУ спешит принести в жертву некоторых из своих агентов. Так было после ужасной зимы 1929-1930 годов, когда в лагерях на Белом море во время сильной эпидемии брюшного тифа и дизентерии погибло более двадцати тысяч заключенных. Москва побоялась скандала и сделала вид, что обратила свой гнев на администрацию этих лагерей. В Соловки была послана юридическая комиссия, сместившая всю местную администрацию и заставившая расстрелять семнадцать человек, как бы виновных в халатности. На самом деле все расстрелянные были заключенными, облеченными доверием выполнять административные функции; что касается действительно виновных начальников, их якобы приговорили к различным срокам заключения и быстро увезли, так как это были ревностные служители ГПУ, чтобы от них могли просто так избавиться. Но кто же из нас смог бы поверить, что ГПУ, всегда так хорошо информированное, могло не знать об ужасных условиях, повлекших за собой столь высокую смертность?

С самой осени было известно, что что-то должно произойти; когда в сентябре я находилась на острове Анзер, я видела, как сотни несчастных

полуодетых людей рыли огромные ямы, похожие на траншеи, предназначенные для груды трупов, которые должны были появиться зимой, а так как зимой земля промерзшая, рвы заготавливали с осени. Было хорошо известно, что для двенадцати тысяч заключенных, прибывавших на Соловки в течение месяца, нет жилья; было известно, что все помещения, все жилые бараки уже переполнены, что вновь прибывших запихивали в скотные дворы, где даже животные дохли от холода, в маленькие полуразрушенные часовни, открытые всем ветрам, или даже просто в траншеи, приготовленные для могил, в них бросали несколько охапок соломы, в качестве кровли навешивали кусок брезента, — и это считалось жилищем для живых существ, в местности возле самого полярного круга! Было хорошо известно, что нет никакой одежды, и что несчастные люди, тысячами прибывавшие из других лагерей в начале зимы, когда температура уже была ниже нуля, были полуголыми, а часто *совершенно голыми*.

Я не преувеличиваю: я видела своими глазами бесконечную колонну людей, бредущих по снегу; из каждой сотни заключенных примерно половина была либо босиком, либо в лаптях, многие вместо одежды были покрыты мешками или замотаны в тряпки, некоторые заключенные были абсолютно голыми, на них не было ни нитки. чтобы прикрыть наготу... Было хорошо известно, что в аптеке нет лекарств, нет даже достаточного количества продуктов питания для скудного рациона заключенных.

И, однако, когда разразилась эпидемия, унесшая за два месяца три четверти населения лагеря, московское ГПУ осмелилось переложить свою вину на нижестоящих сотрудников и ломало комедию, устроив над ними судилище. Подчиненные явились козлами отпущения, в то время как их начальники были прекрасно осведомлены о состоянии дел, которое полностью исключало возможность выживания этих несчастных жертв. Как описать ужас всего происшедшего, когда, например, в часовне заперли несколько сот человек, заболевших дизентерией, полуголых, лежащих на ледяном полу? Их оставили умирать, и каждое утро люди, вооруженные длинными рыбачьими баграми, приоткрывали ворота, чтобы вытащить трупы, а в это время еще живые пытались удержать мертвые тела, которые служили им вместо матрасов...

Я не в состоянии описать кошмара этой эпидемии...

Впрочем, это может показаться слишком неправдоподобным. Кто не пережил этого ужаса, не сможет этому поверить до тех пор, пока история не обнаружит всех документов, которые сегодня являются секретными.

* * *

Хочу вернуться к условиям, в которых жили женщины на "острове страданий", еще раз повторяя, что эти условия были созданы по приказу из Москвы, и поэтому мы никогда не смогли добиться хоть каких-то изменений в лучшую сторону, чтобы избавиться от ужасающей атмосферы разврата.

* * *

Несмотря на общую распущенность, цинично выставляемую напоказ, случаи грубого изнасилования были относительно редки, так как это было запрещено, по крайней мере, в главном лагере. Существовали более изощренные методы развращения молодых женщин, особенно верующих и монахинь. Если наталкивались на их непреодолимое сопротивление, это наказывалось под каким-либо предлогом их ссылкой на остров Анзер или на другие, более отдаленные островки, условия выживания на которых были более тяжелыми. На одном из этих островов были маленькие рыбокоптильни, на которых работали десять-двенадцать

полудиких, всегда пьяных человек; им специально давали много водки, чтобы им легче было работать в ледяной воде. С ними всегда была женщина, которая считалась их кухаркой. И, если в качестве наказания туда присылали честную женщину, у этой несчастной не было другого выхода, как только покончить с собой или согласиться на все и стать игрушкой в руках этих полу-людей...

С каким удовольствием нам сообщали, что такая-то, молодая монахиня забеременела, а такая-то девушка из хорошей семьи собирается играть в "театре" острова, что было равносильно репутации уличной женщины... Помимо прочего были "служанки" начальников, так как все важные персоны острова имели право выбрать себе домработницу из числа заключенных; это право распространялось даже на привилегированных узников (бывших коммунистов). Кроме постоянных служанок (которые, впрочем, очень часто менялись) были также "мойщицы полов": каждый вечер по телефону в женской казарме отдавался приказ прислать в конторы пятнадцать или двадцать женщин "для мытья полов". Комендантша шла в комнаты выбрать тех, кого требовало начальство; чаще всего фамилии указывались заранее тем или иным "феодалом", посылали нескольких, на выбор...

Объектами систематического разврата являлись, конечно, молодые женщины. Но оскорбление целомудрия и женского достоинства распространялось на всех узниц, невзирая на возраст. Приходилось не только сосуществовать рядом с существами, находящимися на низшей стадии нравственного падения, не только постоянно контактировать с ними, выслушивать их гнусные разговоры и присутствовать при безобразных сценах разврата, которым предавались на наших глазах эти несчастные существа, не имевшие ничего человеческого, кроме внешнего облика, но более того, мы обращались с ними, как с равными с моральной и физической точки зрения. Так, например, когда у начальства появлялось желание бороться с паразитами, грязью, с инфекционными болезнями, этим ужасным женщинам, которые всегда со злобными насмешками относились к людям, пришедшим сюда из других слоев общества, приходилось терпеть "санитарные меры". Мы много раз умоляли, чтобы нам предоставили возможность мыться, но начальство не соглашалось ни на что, кроме единственного умывальника на всю казарму, и то в конце неотопливаемого коридора, который девять месяцев в году напоминал сталактитовую ледяную пещеру; мы украдкой мылись в комнатах, но это считалось злодеянием, наказуемым карцером, если нас заставляли на месте преступления. Два раза в месяц нас вели в баню, построив строем, в сопровождении конвоя, нас вели через весь лагерь под улюлюканье мужчин, обменивавшихся "веселыми" шутками с нашими товарками. В большую ванную комнату (если можно так назвать грязный барак), вмещавшую тридцать человек, набивали по сто пятьдесят, получалась жуткая кишачая масса тел, среди них было много татуированных, носящих следы всех мыслимых болезней... Часто под предлогом наладить водопроводную систему, сюда входили мужчины. Шутка еще более одиозная, если принять во внимание, что вся водопроводная система состояла из двух умывальников!

А те женщины, которые пытались уклониться от "банных мучений", считались "неподчиняющимися санитарным мерам"...

Когда проводились медицинские осмотры. они тоже воспринимались как ужасные мучения. Есть подробности, которые трудно описать... Достаточно сказать, что даже мужчины (честные люди, конечно) негодовали, иногда пытались протестовать против недостойного обращения с порядочными женщинами. они часто говорили: «Я еще кое-

как выдерживаю этот ад, но если бы я узнал, что сюда собираются привезти мою жену или дочь, я бы убил их своими руками...»

Я не могу дать полного описания того, что представляет собой Соловецкий лагерь. Для этого понадобилось бы написать тома, нужна спокойная обстановка для работы над историческими документами, нужно быть вне этого ужасного кошмара... Но наступит день, когда эта история будет написана, и тем, кто прочтет ее, будет стыдно за человечество.

Беломорско-Балтийский канал

*Лагерь. — В палатке при 30 градусах мороза.
— Обман, который стоил 300 000 человеческих жизней*

В 1931 году встал вопрос о ликвидации лагеря в Соловках, который стал рассматриваться как нерентабельный: считалось, что затраты на него превышали доход на несколько миллионов рублей. Было решено перевезти всех заключенных на материк, а на острове оставить лишь несколько сот "неисправимых" или особо опасных. Позднее этот проект был отменен, и на следующий год на Соловки опять потянулись бесконечные колонны узников, которые движутся туда и сегодня. Но в то время, о котором я говорю, то есть летом 1931 года действительно эвакуировали большую часть заключенных, направив их в новые лагеря, построенные в Карелии вдоль предполагаемой трассы Беломорско-Балтийского канала, который только начали строить. Сначала туда направили бригады мужчин для земляных работ и рубки леса; затем настала очередь специалистов разных профессий, а затем и конторских служащих. И тогда вместе с другими служащими отправилась и я: меня направили заниматься статистическими работами. Наша колонна покинула остров в конце сентября, погода была плохая, и переход через Белое море был довольно тяжелым. Через несколько часов мы добрались до Кеми, а затем, погрузившись в железнодорожный вагон, через два дня были на станции Медвежья Гора, расположенной на севере Онежского озера. Это и было местом нашего назначения.

* * *

Вдоль всего железнодорожного пути до этого самого места, где Мурманская железная дорога подходит к самому Онежскому озеру, наспех были построены деревянные бараки, чтобы разместить в них конторы и административные службы канала; Медвежья Гора должна была стать местом расположения инженеров и управляющих работами, а также высокого начальства, прибывшего из Москвы. Для него даже был построен хорошо оснащенный деревянный дом. Большую часть заключенных разместили в палатках, в которых они должны были провести всю зиму, при тридцатиградусном морозе...

Для женщин соорудили отдельный барак — большой полутемный сарай с единственным окном в углу и двухэтажными нарами вдоль стен, другой ряд нар располагался посередине. Нас было там около четырехсот человек, теснившихся в полумраке, замерзавших на холодных досках, сбивавшихся вокруг печурки, которая должна была обогревать огромный сарай, открытый всем ветрам. Обычная ужасная теснота отягощалась огромной массой мужчин, рыскавших, как волки вокруг нашего барака: уличные женщины, составлявшие три четверти обитательниц нашего барака, пользовались здесь большей свободой, чем на Соловках, гуляли по всему лагерю, где более тридцати тысяч

мужчин теснились, как и мы на этой территории, огороженной колючей проволокой. Вечерами, а иногда и всю ночь в барак вносили десятки пьяных женщин, которые протрезвлялись рядом с нами или прямо на наши головы, если им удавалось взобраться на второй этаж нар...

Административная контора, где я должна была работать находилась примерно в километре от лагеря ("канцелярия"), путь до нее был нелегко, через поле, иногда по пояс в снегу, особенно тяжело было идти в темноте, а с работы мы уходили в одиннадцать вечера и возвращаться приходилось в полной темноте; мы шли след в след, и иногда все друг за другом проваливались в глубокий снежный овраг. В одно из таких падений я вывихнула себе запястье, это еще больше затруднило мое существование, я пыталась сделать себе повязку, чтобы рука оставалась неподвижной, и невозможность пользоваться этой рукой чрезвычайно усложнила нашу жизнь, похожую на жизнь дикарей или Робинзона; чтобы раздобыть воду, надо было идти метров двести, все остальное тоже было в таком же роде... Невозможно описать, что представлял собой этот женский барак, достаточно сказать, что я и еще три "канцелярские работницы", в награду за тяжелую работу получили привилегию не возвращаться в барак по вечерам, а ночевать в конторе, где мы работали днем: когда работа заканчивалась, мы убрали со столов бумаги, чернила и все остальное, и ложились на столы прямо в одежде; затем утром до прихода остальных работников мы приводили комнату в порядок и начинали работу. Такой способ существования мы считали неслыханным везением и даже счастьем, так как это было несравненно лучше, чем гнусный барак и толпа пьяных женщин в полной темноте и грязи.

* * *

Я могла бы многое рассказать о строительстве знаменитого канала, так как занимаясь статистикой в "отделе планирования", получала доступ к любопытным документам, касающимся этого строительства, представлявшего собой колоссальный и бессовестный обман. Но это могло бы иметь далеко идущие последствия. Я хотела бы только заметить, что этот обман стоил трехсот тысяч человеческих жизней, по расчетам, основанным на списках заключенных, исчезнувших в этих лесах, без крова, без медицинской помощи, часто без пищи и питьевой воды (были места, где питьевая вода находилась лишь в двух-трех километрах, приходилось пить болотную воду). Смертность была такой, что ГПУ, несмотря на свою дьявольскую энергию, не успевало заполнять опустевшие ряды заключенных новыми колоннами новоиспеченных узников... Но в расчетах, оценивавших приблизительное число жертв, принималось во внимание лишь количество заключенных, присланных непосредственно на строительство канала. Однако были еще и другие, те, которых администрация Мурманской железной дороги тысячами *продавала* на лесоразработки.

В мои руки попало несколько секретных документов, среди которых было десяток договоров о продаже, каждый — на полторы-две тысячи человек. Эта человеческая рабочая скотина должна была поставляться без оплаты издержек; покупатель обязывался снабжать заключенных питанием по нормам *не ниже*, чем в "концентрационных лагерях" и одеждой. Обычно договор заключался на срок до одного года. Число жертв невозможно оценить из-за отсутствия сведений об участии этих несчастных. Можно только догадываться о страшной судьбе, ожидавшей их...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Как оказалось, мое заключение близилось к концу. Я знала, что мой срок был сокращен до двух лет, когда я еще была в Соловках: это касалось всех заключенных, осужденных более, чем на пять лет, и отсидевших половину срока (для совершивших уголовные преступления сокращение срока начиналось после года отсидки и проходило быстрее). Если бы не было введено прогрессивное сокращение срока, ни в тюрьмах, ни в лагерях не было бы мест для вновь прибывающих. А так как я была арестована в ноябре 1923 года, мои восемь лет истекали в ноябре 1931 года, но казалось, что никто и не думал обо мне, я даже полагала, что мне добавили дополнительный срок, как это иногда случалось.

И я была сильно удивлена, когда меня вызвали в канцелярию, где объявили, что я свободна: позже я узнала, что в Москве за меня вступились друзья. Было это в конце февраля 1932 года. Стоял тридцатиградусный мороз. На мне были ветхие лохмотья, а в кармане было несколько копеек. Мне пришлось попросить разрешения остаться в лагере на две-три ночи, пока я не найду пристанища. С большим трудом мне удалось найти приют у одной отважной женщины в соседнем поселке, там же я смогла найти работу на железной дороге в качестве помощника счетовода по ликвидации товарного склада. Конечно, это была временная работа, но мне нужны были какие-то деньги, чтобы купить билет на дорогу, неизвестно куда...

Вот так закончилось мое заключение. Освобождение означало для меня возможность убедиться, что вся Россия — это огромная тюрьма, и что судьба свободных людей мало чем отличается от участи бесчисленных заключенных.

1934 год.

О дальнейшей судьбе Юлии Николаевны Данзас:

В январе 1932 — она была досрочно освобождена из лагеря по ходатайству Максима Горького. В 1934 — выкуплена братом (за 20 тысяч франков) и выехала за границу. Проживала сначала в Германии, а с 1935 — во Франции. Вступила в орден Св. Доминика под именем Екатерина, но осознала, что монашество не ее призвание. Осенью 1935 — выехала в Париж, где стала сотрудником доминиканского центра изучения России "Истина", писала также статьи для журнала "Истина". Автор книг "Красная каторга", "Гностические реминисценции в современной русской религиозной философии" и "Католическое богопознание и марксистское безбожие". С 1939 — проживала в Риме. 13 апреля 1942 — скончалась там.